

скают мысли о возможности аналогий гекзаметру «Тилемахиды», логоэдам и вольным ритмам Сумарокова в опытах Клопштока.

«Новости» Готтшеда пропагандировали творчество Каршин (например, 1761 год, декабрь, стр. 929 и сл.); ср. «Песню» — послание Сумарокова к этой поэтессе. В литературной позиции «Новостей» немало сходного с позицией Сумарокова и поэтов его школы.⁴⁰ Тут нет, конечно, вопроса о «влиянии» Готтшеда и его журнала; но вопрос об аналогиях процессов, самостоятельно происходивших в русской литературе и в других европейских литературах середины XVIII века, при всех отличиях и национальных своеобразиях той и других, заслуживает внимания. Этот вопрос может подвести нас и к другому, важнейшему — о самостоятельных путях, которыми пришла русская литература уже во второй половине XVIII века к своим великим завоеваниям. В творчестве Фонвизина она сказала новое, неведомое Западу, слово в мировой драматургии; в творчестве Державина — новое слово в мировой поэзии; творчество Радищева выдвинуло ее на самое передовое место в сфере важнейших философски-политических завоеваний человечества. Эти создания русских гениев были глубоко национальны, и именно потому мы ясно видим их интернациональное значение и определяем их место в ряду созданий гениев всех народов.

⁴⁰ См., например, выписки из книги «Maximes adressées à Mlle de B. par une Demoiselle de 13 ans». Gotha, 1753 («Новости», 1753), стр. 879: «Leset keine Romane. Sie verderben den Verstand, und machen ihn abentheuerlich», или см. в 1751 году (стр. 391) статью-речь «О вопросе: следует ли в театральных произведениях всегда представлять добродетель награжденною и порок наказанным». Ср. также статьи из книги Гельвеция «Об уме» в «Невинном упражнении» (1763) с пропагандой этой книги в «Новостях».